

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Синицина Сергея Андреевича

«Общее учение об абсолютных и относительных субъективных правах»,
представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по
специальности 12.00.03. -

**«Гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право»**

Представленная к защите диссертационная работа затрагивает проблемы, которые, безусловно, относятся к числу наиболее сложных теоретических вопросов в науке гражданского права, поскольку касаются фундаментальных понятий, охватывающих весь спектр действия гражданского права. В связи с очевидным усилением в последние годы общего внимания к оценке роли и значения гражданского права в современном обществе в силу происходящих радикальных изменений в социально-экономическом строе России, перед российской юридической наукой стоит актуальная и одновременно чрезвычайно сложная задача осознания в теоретическом отношении сложившейся в результате этих изменений правовой ситуации и перспективах ее развития в будущем.

Эта необходимость обусловлена ясно выраженным уже в самом начале процесса кардинальных изменений стремлением возродить и укрепить принципы частноправового регулирования в отечественном праве, регулирующим имущественные отношения в качественно иных социально-экономических условиях. Как справедливо отмечено в данной связи автором диссертационного исследования, соответствующие преобразования в законодательстве и практике его применения требуют помимо многоэтапной и последовательной законотворческой деятельности, одновременного, а порой и опережающего движения в нужном направлении совершенствования инструментария цивилистической науки. Именно развитие правовой науки является необходимым условием достижения положительных результатов в обосновании и принятии адекватных современным требованиям законодательных решений в интересах развития правоприменительной практики.

Предшествующее правовое развитие в сфере регулирования имущественных отношений в России в силу известных причин в значительной степени деформировало представление о многих аспектах частного права в среде отечественных правоведов и практиков права. Модель правового регулирования, обеспечивающая существование и эффективное функционирование экономических связей между отдельными самостоятельными субъектами права в условиях децентрализованной экономики была практически вне поля зрения советской юридической науки,

поскольку не соответствовала политико-экономическим началам, на которых было основано советское общество. Хотя советское гражданское право оперировала институтами, традиционно составлявшими содержание классического гражданского права, они наполнялись содержанием, отражавшим несвойственные для этой отрасли права подходы, диктовавшиеся существовавшей в советском государстве идеологией. Ограниченность реального применения гражданского права в регулировании общественных отношений в тот период также отражалось в теоретических конструкциях, выработанных отечественной цивилистикой с целью научного объяснения существовавших правовых реалий в условиях, когда гражданское право существовало в урезанном виде и не играло заметной роли в жизни общества.

Это обстоятельство, безусловно, усложняет процесс современного реформирования отечественного гражданского права, которое нуждается в системности и последовательности в реализации задачи создания нового нормативного материала с учетом существовавшей правоприменительной практики регулирования отдельных видов гражданского правовых отношений и институтов в новых условиях. Естественно, что такая задача не может быть успешно решена без достижения ясности и однозначности понимания понятий, составляющих основу нормативного регулирования имущественных отношений. В данном случае, в первую очередь, речь идет о таких основополагающих элементах гражданско-правового регулирования, как правоотношение, субъективные права, их система и критерии классификации.

Естественно, что правоприменительная практика требует оперативного и реагирования адекватного на возникающие конкретные задачи применения новых правовых подходов. Это способствовало значительному росту в последние годы числа научных гражданско-правовых исследований, направленных, однако, в основном на анализ частных проблем применения нового российского законодательства. К сожалению, современная цивилистическая наука достаточно редко обращается к научной разработке вопросов, имеющих системный характер, что во многом объясняется сложностью таких объектов исследования и необходимостью обладать широким профессиональным кругозором, а также высоким уровнем научно-исследовательского опыта.

Несомненной заслугой автора данного диссертационного исследования является анализ дореволюционной российской доктрины в части, касающейся объекта исследования. В известной мере, такой подход представляется вполне оправданным, поскольку позволяет не только отдать должное родоначальникам российской цивилистики, но и установить определенную преемственность в методологии, характерной для

современных исследований в области теории российского гражданского права. Такой подход вполне оправдан еще и потому что на протяжении последних десятилетий прошлого века на характер, содержание и теоретические конструкции, сформированные отечественными юристами в результате этих работ, серьезное влияние оказали идеологические установки, которые фактически сводили на нет основные идеи и постулаты классического гражданского права.

Такое общественное явление, как гражданское право, имеющее общекультурное значение, которое выводит его за рамки национальных границ, в известной степени отражая уровень развития общечеловеческой цивилизации в целом. Это указывает на то, что выявление общих закономерностей его развития в целях повышения его эффективности и более глубокого понимания может быть достигнуто только максимально широким охватом его позитивного проявления в отдельных правовых системах. Таким образом, было бы очевидно неверным при построении современных теоретических конструкций в российской науке гражданского права ограничиваться только анализом отечественных наработок, касающихся установления таких основополагающих теоретических концепций цивилистики, как общее учение об абсолютных и относительных субъективных правах.

Таким образом, совершенно естественно полноте проведенного автором исследования способствовало то, что автор уделил значительное внимание анализу опыта, накопленного в практике и доктрине зарубежных стран. В первую очередь, объектом исследования стали международные документы и иностранные правовые системы, где развитие гражданского права не подчинялось государственной идеологии, отрицавшей ценность гражданского права, как регулятора общественных отношений, как это было в нашем отечестве на протяжении достаточно продолжительного исторического периода. Такой подход автора дает полное основание для утверждения, что проведенное им исследование является существенным вкладом в отечественную юридическую науку.

Вместе с тем, при выборе зарубежной правовой системы для проведения сравнительного исследования рассматриваемой проблематики и имея в виду имеющиеся довольно значительные концептуальные различия между сложившимися в современном мире правовыми семьями, которые отражаются в содержании и теоретической оценке используемого ими юридико-технического инструментария, автор высказывает мнение, что при исследовании проблематики понятия, структуры и системы субъективных прав в частном праве, обращение к материалам по англосаксонскому и американскому праву оправдано лишь для констатации объективно несопоставимых подходов правоприменительной практики и научных школ

романо-германской и англо-американской правовых семей. В работе убедительно демонстрируются различные предпосылки становления и специфика - континентально-европейской и англо-американской правовых традиций, несопоставимые методологические подходы, разность юридического мышления и категориального аппарата в названных правовых семьях. Основываясь на том, что, как принято считать, российское гражданское право относится к романо-германской правовой семье, автор обратился в качестве основного объекта сравнительно-правового исследования национальные к правовым системам, входящим в семью европейского (романо-германского) права. Кроме того, как отметил автор, научно-практические разработки в англо-американской и романо-германской правовых семьях существенно и принципиально расходятся уже на этапе формулировки исходных, базовых юридических понятий, логично приводит.

Как известно, правильно построенная структура научного исследования во многом предопределяет основательность и системность в поиске научной истины. С этой точки зрения, учитывая многоаспектность и фундаментальны теоретический подход, характерный для выбранного объекта исследования, структура диссертации Сеницына С.А. представляется оптимальной и открывающей возможности для достаточно полного и глубокого раскрытия темы. Также заслуживает высокой оценки последовательность в изложении чрезвычайно обширного по объему материала, источником которого, в основном, являются многочисленные монографические исследования на русском и иностранных языках. Заслуживает внимание и то обстоятельство, что автор использует не только работы по юриспруденции, он прибегает также, когда это оправдано, и к работам из иных областей знаний, в частности, к работам по философии, опираясь на которые он дает свою интерпретацию правовых теоретических конструкций. В этой связи весьма интересным представляется отмеченное автором обстоятельство, касающееся выяснения истоков и предпосылок возникновения в юриспруденции доктринального интереса в разработке проблемы субъективных гражданских прав, что, безусловно, заслуживает внимания для формулирования выводов диссертационного исследования. Конкретно, речь идет о том, что деление прав на абсолютные и относительные впервые появилось в немецкой юридической доктрине, которая использовала для их классификации характерный для классической немецкой философии подход, основанный на выделении абсолютности и относительности. Диссертант показывает, что в поисках всеобъемлющей классификации субъективных прав в начале XIX века под влиянием философских идей И. Канта, Р. Декарта, И. Фихте немецкая юриспруденция практически адаптировала философские конструкции абсолютности и относительности для собственного научного аппарата. В данном контексте представляется оригинальной высказанная автором позиция, которая

сводится к тому, что ставится под сомнение возможность и целесообразность такого заимствования из философских трудов, когда речь идет об анализе и оценках правовых явлений.

Автор вполне убедительно показывает, что классификация субъективных прав предопределена различиями их содержательного наполнения, сферой действия (по кругу субъектов, объектов, ограничениям, защите). Она является востребованным правовым средством в гражданском законодательстве, правоприменительной практике, правовой доктрине, где выполняет различные целевые задачи. В законодательстве классификация субъективных прав служит упорядочению в нормативное единство групп правовых норм и институтов, в отношении которых действуют единые принципы правового регулирования и соотношения гражданско-правовых норм по юридической силе и сфере применения; в правоприменительной практике критерии классификации субъективных прав перманентно уточняются эмпирически; в правовой доктрине классификация субъективных прав способствует разработке теоретических моделей, позволяющих понять особенности содержания конкретных видов субъективных прав во взаимосвязи с общим учением о субъективном праве и правоотношении. Учитывая выше сказанное и не смотря на то, что работа посвящена сугубо теоретической теме можно с уверенностью сказать, что диссертация имеет важное практическое значение.

Говоря о содержании диссертации, обращает на себя внимание, что первая глава диссертации является наиболее объемной по сравнению с двумя последующими главами. Это объясняется тем, что она посвящена наиболее сложному вопросу об абсолютных субъективных правах, трактовка которого предопределяет во многом и решение других связанных с этой проблематикой вопросов. В известной мере это объясняется тем, что на традиционно научные представления об абсолютных правах, как правило, исчерпывались противопоставлением их правам относительным и основной характеристикой абсолютных прав было то, что абсолютным правам корреспондирует всеобщая юридическая обязанность пассивного характера, падающая на всех без исключения.

В диссертации проведен впечатляющий довольно подробный обзор различных точек зрения на природу абсолютных прав, высказанных в отечественной и иностранной литературе. Это дало автору основания сформулировать критическую позицию в отношении доминирующих точек зрения на данную проблему. Говоря о практических аспектах современной квалификации абсолютных прав автор не оставляет без критических замечаний текущую российскую судебную практику. Им делается аргументированное замечание о том, что современная российская судебная практика пошла по пути отождествления абсолютности и неограниченности

права. Приводятся примеры, когда в судебных актах арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций не обнаруживается четкого подхода к соотношению абсолютности и неограниченности гражданских прав. Заслуживает внимания вывод диссертанта о том, что логическая взаимообусловленность «абсолютности» и «неограниченности» субъективного гражданского права с неотвратимой неизбежностью предрекает гибель абсолютности в условиях верности утверждения о невозможности существования неограниченных прав.

Говоря о юридической природе основного элемента, характеризующего абсолютность субъективного права, а именно, всеобщей обязанности воздержания от нарушений чужого права, автор, опираясь на критический анализ высказанных по данному вопросу мнений, приходит к выводу, что она должна определяться не частноправовым, а публичным содержанием. С его точки зрения это объясняется тем, что в ее основании правопорядком положен общий запрет совершения противоправных действий, существующий в интересах всего общества и правопорядка в целом. В случае правонарушения субъект нарушенного права имеет исключительную возможность защиты от противоправных посягательств, как собственными силами, так и посредством обращения к органам власти, но эта возможность никак не объясняет связи носителя права и всех третьих лиц в условиях нормального развития субъективного права. Автор также указывает, что отличия пассивной юридической обязанности от гражданско-правовой обязанности значительны и существенны, поскольку основополагающим признаком гражданско-правовой обязанности является взаимообусловленность и неотделимость последней от самого субъективного права в то время как невмешательство и воздержание от нарушения чужого субъективного права является не гражданско-правовой обязанностью, а правомерным поведением.

В свете проблем, возникающих в последнее время при установлении вещных прав на недвижимость и связанных с этим судебных разбирательств, заслуживает поддержки мнение автора диссертации о том, что книжное владение (регистрационная запись в публичном реестре прав на недвижимое имущество) не образует разновидности владения в гражданском праве, а является видимостью зарегистрированного права и способом его фиксации и абсолютность не является достаточным признаком для идентификации вещи субъективного права, а должна рассматриваться как принцип осуществления и регулирования вещных прав (права собственности, ограниченных вещных прав).

Представляет несомненный интерес проведенный автором в диссертации на основе доктринальных работ в основном зарубежных авторов широкий анализ возможности применения закрытого перечня *numerus clausus*

для идентификации абсолютных вещных прав, а также доменных имен. Можно согласиться с выводом автора, что в отечественной юридической литературе отсутствует единообразное понимание *numerus clausus* в контексте применения этого понятия для квалификации субъективных гражданских прав в качестве абсолютных или относительных.

В связи с возросшей актуальностью этих вопросов в судебной практике заслуживает внимания рассмотрение в диссертации вопрос об абсолютности исключительных прав и личных неимущественных прав, а также понимание абсолютного характера защиты в отношении абсолютных гражданских прав.

Вторая глава диссертации посвящена исследованию конкретных проявлений относительности гражданских прав, источником которых являются обязательственные правоотношения. По мнению автора диссертации в российском и зарубежном праве свойства и признаки обязательственных правоотношений являются мало изученными. Автор подходит к анализу свойства относительности субъективных обязательственных прав, оценивая последствия вызванных современными условиями гражданского оборота изменений в правовом регулировании отношений между кредитором и должником. Наличие этих изменений дает ему основания выразить сомнение в правильности традиционного утверждения, что обязательство исчерпывается связью должника и кредитора и что именно эта характеристика свидетельствует об относительном характере правовой связи субъектов и следующих из обязательства гражданских прав и обязанностей. Автор утверждает, что отмеченные изменения ограничивают действие и понимание принципа относительности договорных обязательств. В их число он включает, в частности, такие факторы, касающиеся содержания договорного обязательства, как необходимость соответствия закону и публичному порядку, принципу добросовестности, контроль со стороны суда, защита слабой стороны от несправедливых договорных условий, наличие третьего лица в обязательстве.

Несомненный интерес в данном отношении представляет позиция автора относительно участия в обязательстве третьих лиц, в частности, исполнение обязательства третьим лицом, третьему лицу и договор в пользу третьего лица. Автор отмечает, что данное обстоятельство осложняет структуру и содержание обязательства между должником и кредитором, но при этом никак не заменяет и не исключает самих участников обязательства – должника и кредитора как его сторон. Критически оценивая высказанные в доктрине мнения о правовой квалификации договора в пользу третьего лица, автор приходит к выводу, что договор в пользу третьего лица представляет собой самостоятельную конструкцию договорного права. Подводя итог анализу влияния наличия третьего лица в обязательстве, автор делает по нашему мнению правильный вывод о том, что по своему содержанию и

структуре в договорном праве относительные права создают механизм саморегулирования, поскольку ими регулируется правовая связь равноправных и независимых друг от друга субъектов.

Заслуживает внимание попытка автора дать свою интерпретацию реституционных прав и правоотношений, в частности их понятие, содержание и классификацию в контексте выявления качественных характеристик субъективных гражданских прав. На основе анализа соответствующих норм отечественного и зарубежного гражданского права автор делает вывод, что применение реституции не обусловлено нарушением конкретных субъективных прав, и она является общей санкцией в виде юридической ничтожности волеизъявления участников недействительной сделки, влекущая одновременно и утрату правовых оснований произведенного исполнения по такой сделке. Он считает, что структура и содержание реституционного правоотношения не включает в свой состав субъективное гражданское право и применение реституции предопределено задачей единообразного соблюдения законности в целях достижения баланса частных и публичных интересов в правовом регулировании.

Представляется вполне оправданным, что в контексте разрабатываемой темы автор обращается также к анализу корпоративных отношений, имея в виду выяснение их правовой природы и квалификацию возникающих в этой связи субъективных гражданских прав. Исходя из таких факторов как специальный субъектный состав, предмет и принципы регулирования, особые юридические факты, особенности осуществления и защиты корпоративных прав, диссертант утверждает, что корпоративные права являются самостоятельным видом субъективных гражданских прав, но никак не смежным межотраслевым предметом регулирования и исследования или приложением обязательственного права.

Нельзя не отметить оригинальность проведенного в диссертации анализа относительной природы притязания, охранительного субъективного права и производного от них понятия «виндикационного правоотношения». Этот анализ завершается выводом о том, вопрос о понятии, структуре охранительных субъективных прав и правоотношений, их абсолютной или относительной юридической природе видится автору надуманным, поскольку цели вещного иска состоят в устранении нарушения и восстановлении вещного права в натуре. Причины такого подхода, считает автор, состоят в том, что нарушение конкретного субъективного гражданского права, например, нарушение вещного права, не влечет за собой возникновение обязательственных правоотношений между субъектом вещного права и правонарушителем, а имеет своим следствием возникновение адресного права на его защиту. При этом притязание не является разновидностью субъективного гражданского права, а выражает собой

волеизъявление управомоченного лица, реализуемое в границах правовых возможностей и формах, определенных содержанием субъективного права и законодательно установленными гарантиями его защиты.

Безусловно теоретически оправданным и логичным представляется обращение диссертанта к рассмотрению в заключительной главе диссертации вопроса о соотношении абсолютных и относительных субъективных прав. Очевидно, что именно такой подход необходим для формулирования автором собственной научно-теоретической концепции абсолютных и относительных субъективных прав. Как и при отдельном анализе абсолютных и относительных субъективных прав диссертант при этом уделяет пристальное внимание анализу и оценке существующих подходов к решению данной проблемы в российском и зарубежном праве и доктрине.

В этом отношении важным является утверждение автора, что абсолютность и относительность являются самостоятельными качественными родовыми характеристиками внутреннего содержания субъективного права и могут рассматриваться как внутренние свойства-принципы его структуры. Диссертант исходит из того, что задачи систематизации основаны на научном выделении и обобщении совпадающих признаков субъективных гражданских прав в родовой классификации, которые не дублируют конкретный тип субъективного права в видовой классификации субъективных гражданских прав, а лишь определяют его родовые признаки. Отсюда делается вывод, что абсолютность субъективных гражданских прав характеризуется признаками, которые вытекают из того обстоятельства, что их регулирование осуществляется преимущественно императивным методом, в то время как относительные субъективные права возникают в динамике оборота, их возникновение обусловлено юридическими фактами, обосновывающими взаимодействие нескольких субъектов гражданского права. Поэтому, делает вывод диссертант, абсолютные и относительные субъективные права различаются не «по числу субъектов», а по специфике содержания, целям и методу правового регулирования. Соотношение абсолютных и вещных прав, считает диссертант, можно определить соотношением общего (родового) и частного (видового) понятия, где общим является абсолютное, а частным – вещное.

Диссертанту представляется недопустимым теоретическое конструирование понятий «смешанных» и промежуточных форм абсолютных и относительных прав. Таковую же негативную позицию высказывает автор в отношении концепции разграничения абсолютных прав и абсолютных правоотношений, поскольку признаки абсолютности и относительности идентифицируют только субъективные гражданские права, а не виды гражданских правоотношений или их отдельные элементы.

Диссертант завершает свое исследование мыслью, которая заслуживает всяческой поддержки, имея в виду острую потребность в утверждения в общественном сознании в России адекватного восприятия гражданского права в его естественном воплощении, как важнейшего инструмента регулирования в гражданском обществе. А именно, что правовое регулирование субъективных прав немислимо вне диспозитивного метода регулирования, который является основополагающей характеристикой гражданского права.

Выносимые диссертантом на защиту положения, имеющие большую научную ценность и ставшие результатом проведенного им исследования, представляются достаточно обоснованными и сформулированы предельно ясно и содержательно. Они отражают очевидный научный вклад диссертанта посредством выработки собственной теоретической концепции в отношении основных элементов, составляющих в совокупности проблематику, связанную с теоретическим осмыслением такого важного для всего гражданского права феномена как абсолютные и относительные субъективные права. Приводимые доказательства представляются вполне корректными и достаточно аргументированными. По своему содержанию представленные к защите теоретические положения, несомненно, можно характеризовать как существенный вклад в развитие отечественной доктрины гражданского права по проблеме, которая традиционно представляет теоретический интерес и является предметом научных разработок как непосредственно, так и при исследовании близких по юридическому содержанию вопросов. Эти положения, безусловно, будут также способствовать углублению научных исследований широкого спектра цивилистических проблем, имеющих практическое значение.

Вместе с тем, по содержанию диссертации имеются и некоторые замечания, наличие которых вполне естественно для научного произведения такого масштаба, каковым является представленная диссертация. Они сводятся к следующему.

1. Представляется, что диссертант преувеличивает значение отмечаемого им влияния международно-правового регулирования при проведении текущих реформ гражданского законодательства в зарубежных странах. Им утверждается, что цель и направленность этих мероприятий сводится к адаптации национального законодательства этих стран к складывающемуся опыту международно-правового регулирования. Однако на практике не национальное законодательство воспринимает положения, содержащиеся в международных источниках, а последние создаются путем формулирования или включения норм, которые созданы и апробированы в отдельных национальных юрисдикциях и в наибольшей степени отражают потребности и национальные особенности регулирования договорных

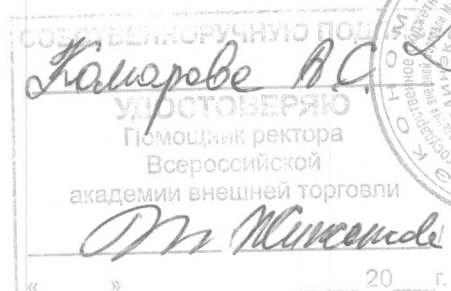
отношений с иностранным элементом. Кроме того, в большей своей части современные международные источники таких правовых норм не носят характера обязательных правил, т.е. они не являются международно-правовым регулированием, а представляют собой «мягкое право», как, например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА или Модельные правила европейского частного права. Однако в отношении российского Гражданского кодекса, который воспринял ряд положений из международно-правовых источников, таких как Венская конвенция о договорах международной купли-продажи, утверждение автора можно признать справедливым.

2. Представляется не вполне убедительным вывод, что реституция не может быть основанием возникновения субъективных прав и правоотношений. Одним из основных аргументов этой позиции является то, что, если признавать реституцию способом защиты прав, то должен быть выделен пострадавший правообладатель и правонарушитель, чего не наблюдается при реституции. Однако такой вывод будет правильным, когда речь идет о двусторонней реституции. Однако, возможны случаи, когда реституция является односторонней в связи с тем, что виновником недействительности может быть действия одной из сторон, в отношении которой реституция не допускается. Таким образом, другая сторона становится обладателем права требовать возврата переданного имущества от виновной стороны, т.е. у нее возникает субъективное право, имеющее относительный характер.

3. Излишне категоричной представляется позиция диссертанта относительно неприятия существования «смежных» и промежуточных форм абсолютных и относительных прав. Однако вряд ли опираясь в основном только на формальные аспекты и логику методологических подходов в создании теоретических конструкций, будет верным отрицать необходимость выработки нетрадиционных понятий относящихся к нетрадиционным формам проявления имущественных отношений, которые в современных условиях довольно часто преподносит нам действительность. Безусловно, что выработке понятий, которые не укладываются в сформированные ранее концепции, должен предшествовать тщательный анализ существующих подходов, и только в том случае, когда признанные научные концепции не дают и не могут утвердительного ответа, необходимо сосредотачиваться на поиске новых идей. Кроме того, следует учитывать, что в юриспруденции форма тесно связана с содержанием, что наглядно демонстрируется абсолютностью и относительностью субъективных прав. В этих конструкциях различные проявления взаимного влияния формы и содержания могут потребовать адекватной теоретической оценки. В противном случае правовая теория не сможет оказывать необходимого содействия в решении возникающих новых практических проблем.

Указанные замечания не влияют на высокую оценку научного уровня и значимости выводов и содержания диссертации для развития теоретических аспектов проблематики гражданского права, как в целом, так и для тематики, являющейся ее непосредственным предметом. Основные положения диссертации отражены надлежащим образом в автореферате. Представленная Сенициным С.А. диссертация полностью соответствует требованиям, предусмотренным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, и диссертант достоин присуждения ему степени доктора юридических наук.

Официальный оппонент

доктор юридических наук,
профессор
Комаров Александр Сергеевич

заведующий кафедрой международного частного права,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Всероссийская
академия внешней торговли» Министерства экономического
развития Российской Федерации,
почтовый адрес: ул. Пудовкина 4а , Москва 119285, Российская Федерация.
Тел. +7 499 147 45 00, факс +7 499 930 80
адрес электронной почты: ask1949@mail.ru